

великолепные
ДЕТЕКТИВНЫЕ
истории

Елена Дорош

С Гофманом на устах

Евгения Михайлова

Ангел-хранитель

Анна и Сергей Литвиновы

Первое независимое Рождество

Татьяна Полякова

Сюрприз на Рождество

Татьяна Устинова

Не оглядывающийся никогда

Альбина Нури

По пути в Архангельское

Елена Бриолле

Хлеб с Чертовой улицы

Ольга Баскова

Старинные серьги

Рождество с ДЕТЕКТИВОМ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р62

Редактор серии *А. Антонова*

Разработка серийного оформления
А. Гаретова и С. Курбатова

Р62 **Рождество с детективом** : сборник рассказов / Татьяна Устинова, Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы и др. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-187907-5

В дни рождественских каникул все взрослые словно возвращаются в детство! Кому не хочется испытать радостное предвкушение чуда и вновь поверить, что оно непременно сбудется? А кто откажется от удовольствия морозным утром обнаружить под сверкающей елкой таинственный сверток в подарочной упаковке? Издательство «Эксмо» предлагает вам и вашим близким отличный презент: сборник остросюжетных рассказов «Рождество с детективом»! Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова и другие известные писатели поздравляют вас с этим радостным и светлым праздником!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187907-5

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

• СОДЕРЖАНИЕ •

Елена Дорош
С ГОФМАНОМ НА УСТАХ

7

Евгения Михайлова
АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

59

Анна и Сергей Литвиновы
ПЕРВОЕ НЕЗАВИСИМОЕ РОЖДЕСТВО

105

Татьяна Полякова
СЮРПРИЗ НА РОЖДЕСТВО

147

Татьяна Устинова
НЕ ОГЛЯДЫВАЮЩИЙСЯ НИКОГДА

207

Альбина Нури
ПО ПУТИ В АРХАНГЕЛЬСКОЕ

219

Елена Бриолле
ХЛЕБ С ЧЕРТОВОЙ УЛИЦЫ

236

Ольга Баскова
СТАРИННЫЕ СЕРЬГИ

276

ЕЛЕНА ДОРОШ

• С ГОФМАНОМ НА УСТАХ •

Клавдия любила длинные ночные перегоны, когда остановок не было и можно всласть выспаться в купе для проводников. Конечно, всякое случалось и ночью, но нынче народ подобрался приличный и не капризный. К одиннадцати все уgomонились, и в вагоне стало тихо. Только колеса стучали привычно да фонари мелькали за окнами.

Клава прошла до туалетов. Господи, и тут повезло: не загадили санитарное помещение, вот молодцы! Теперь можно и на боковую до пяти.

Проходя мимо четвертого купе, проводница прислушалась. Странный мужчина, которого она посадила на небольшой станции, ехал один. В принципе, такое бывает. Выкупит пассажир все четыре места, чтобы никто не мешался, и дрыхнет. Хозяин — барин! Только сам мужичок был уж очень неказистым, прям карлик какой-то. Ножонки кривые — еле в вагон

залез — а на спине чуть ли не горб. Бррр! Чай заказывать не стал, сразу заперся и затих. Ну и черт с ним! Ей-то какое дело!

Глядя в окно на густо летящий снег, Клава с хрустом потянулась, зашла в свое купе и улеглась. Щас как выпится!

Только спала она плохо. Всю ночь какая-то чепуха снилась! Из тех, что пересказать невозможно, но и забыть нельзя! Клава измучилась ужасно, встала с больной головушкой и недовольная.

До Питера все же кое-как работу допинала, однако пассажиров провожала с улыбкой, как положено.

Те отвечали, впрочем, неохотно, словно и им всякая дрянь ночью снилась. Лишь один молодой красавец, проходя мимо, улыбнулся от души и сверкнул белейшими зубами. Клавдия обалдела. Ничоси! Это ж как она такого мужчину пропустила! Когда же он сел? Или из другого вагона перешел, чтоб поближе ко входу в вокзал оказаться? Наверное, так и есть!

Клавдия так увлеклась, гадая, откуда взялся красавец, что пропустила давешнего карлика. Этот когда мимо проскочить успел?

Неизвестно, от чего встревожившись, Клавдия быстро прошла по коридору и заглянула в четвертое купе. Там было пусто, конечно же. Только в открытое окно, завывая, валил холодный воздух пополам со снегом.

Вот черт корявый! На дворе зима, а этот придурок вон чего вытворил!

Ругаясь, она закрыла окно и подергала задвижки. Тугие. И как только смог с ними справиться!

Она заперла по очереди все купе и не торопясь пошла в соседний вагон навестить товарку Светку. Успеет еще уборкой заняться. Времени полно.

И все-таки, откуда взялся этот красавец?

— Здравия желаю, товарищ капитан! — прокричал Леха, козырнув начальнику.

— Черт! — вздрогнул капитан, продирая глаза. — Ну и орешь ты, Тишков! Тебе бы Крикуновым родиться!

Леха чуть не прыснул от смеха, потому что фамилия у начальника была Худеев, а считался он самым толстым в управлении.

— Ты сменился, что ли, уже? — поинтересовался Худеев.

— Так точно! — выпалил Леха.

— Ну так спать отправляйся. Нечего тут орать, честных людей будить.

— Ждал ваших ценных указаний, товарищ капитан!

Худеев закатил глаза.

— Притомил ты меня, Тишков. Какие указания в шесть утра? Домой чеши!

— Есть, товарищ капитан! — гаркнул Леха и выскочил из кабинета.

Как бы Худеев в спину папкой не запулил!

Вообще-то над капитаном он прикалывался не просто так, а по случаю хорошего настроения. Даже не хорошего, а замечательного!

А все потому, что Леля наконец согласилась! Свиданием это пока назвать было сложно, но то, что разрешила встретиться ее после работы, равносильно согласию на законный брак.

Ну а, кроме всего прочего, сегодня — пятница, а значит, есть надежда, что общение с Лелей можно будет продолжить.

Протопав по коридору и разбудив еще, наверное, с полдюжины сослуживцев, Тишков сбежал со ступенек и двинулся к другому входу, где располагались апартаменты судмедэкспертов.

Леля уже вышла и, кутаясь в шубку, ждала у крыльца. Испугавшись, что получит нагоняй — заставил ждать! — Тишков округлил губы для извинений, но Леля схватила его за рукав и потянула в сторону.

— Сегодня куча трупиков! Даже чаю попить не успела! Бежим завтракать, а то окочурюсь!

С Лелей Тишков был готов бежать хоть на край света, поэтому прибавил шаг.

Какая отличная девушка! Необидчивая!

— Зависла на одной старушке, представляешь? — стала рассказывать Леля, скользя на тоненьких каблучках и цепляясь за него. — От-

10 кинулась, а от чего — непонятно.

— Может, от старости? — предположил Леха, косясь на ее руку в тоненькой замшевой перчатке на своем рукаве.

— Я и сама так думала. Ей сто лет в обед. Умерла, лежа на диване с книжкой в руках. Сама, наверное, не заметила, что скончалась.

— А при чем тут полиция? — удивился Леха.

— Вот именно. Обычно в таких случаях родственники просят вообще вскрытия не делать.

— И?

— А эти взяли и заявление накатали.

— Какое заявление? — не понял Леха, все еще пребывая в эйфории по случаю первого совместного завтрака.

— Считают, что ее убили.

— Кто?

— Родственники. Ой, нет, не родственники! Соседка по лестничной клетке, прикинь!

— А она с чего взяла?

— Да кто ж ее знает! Но раз заявление приняли, значит, аргументы есть. Ну, Ксаверич на меня и скинул. Самому-то неохота с ерундой связываться.

— И что ты установила? — поинтересовался Леха просто из вежливости, мысли его были очень далеко.

— Сначала думала найти обычные старческие болезни, ну и, сам понимаешь, доказать, что никакого криминала не наблюдается.

— Не нашла? — спросил он, открывая перед ней дверь круглосуточной кофейни.

— Я? Не нашла? Шутишь? Кучу всего нашла! Говорю же: бабка древняя!

Кофейня пахнула теплом и дивными ароматами свежей выпечки.

Леля забралась за столик и скинула шубку.

— И все вроде бы правильно, но...

— Что будешь? — спросил Леха, которому хотелось не про бабку слушать, а говорить на совершенно другие темы.

— Раф с карамельным топингом и круассан, — ответила Леля, но сбить себя с мысли не позволила. — Так вот. Все, что у нее есть, не могло привести к внезапной смерти, чтобы почитать книжку и вдруг — брык!

Официантка принесла заказ. Леха пододвинул к Леле тарелку с круассанами и уже заинтересованно спросил:

— То есть криминал?

Леля отпила из чашки и мотнула головой.

— Не знаю. Звонила в отдел. Говорят, соседка уверена, что убийство, но группа пока на место не выезжала. Не до старушки им. Впрочем, чем они могут мне помочь?

Леля грустно вздохнула. У нее над губой образовались молочно-карамельные усики. Лехе они ужасно нравились.

— Хотела к Ксаверичу толкнуться, а потом передумала. Сама дожму. Или мой красный диплом можно засунуть в... одно место.

Она вытерла салфеткой усики и принялась за круассан.

— Умру, а выясню, что свело старушку в могилу, — пообещала она и взглянула на Леху. — Ты чего не ешь?

Он торопливо отпил из своей чашки. Не мог же признаться, что засмотрелся на нее.

— Если никто не съездил, то я могу.

У Лели заблестели глаза.

— Ты же с дежурства.

— Ну и что? Дома все равно делать нечего, — брякнул он и понял, что сдал себя с потрохами.

Взглянув на его мгновенно покрасневшие щеки, Леля тонко улыбнулась.

— Ну если нечего, тогда да. Завтра я прямо с нее начну. Если что-то выясню, позвоню тебе напрямую.

— Если найду что-нибудь подозрительное, то тоже прямо тебе позвоню, — подхватил Леха, чувствуя, что возможность работать с ней по одному делу сильно повышает его шансы.

Проводив Лелю домой, он заскочил к себе, быстренько сполоснулся, надел все чистое и рванул на работу.

Напроситься на выезд к старушке оказалось не так легко.

— Ты что, Тишков, от работы косить собрался? — наехал на него начальник. — Старушка — пустой номер.

— Так заявление же приняли, товарищ капитан.

— Приняли, потому что накатала его дочка заместителя мэра. Она той старушке соседка.

— А резоны у нее какие?

— Резоны... — протянул Худеев. — Ишь ты! Да никаких резонов! Она, видишь ли, уверена! В общем, нечего туда ездить. Дождемся заключения судмедэкспертов и даже дела открывать не будем.

— Но съездить все-таки надо, товарищ капитан, а то соседка нажалуется. Зачем нам проблемы с дочкой зама мэра?

Худеев махнул рукой:

— Ладно. Поезжай. И смотри там! Все, как положено, сделай, чтоб соседка видела — полиция работает! Понял?

— Так точно, — козырнул Леха и побежал выполнять поручение.

Предрождественская метель собрала на улицах дикие пробки, но Тишкову повезло. До нужного дома он доехал за двадцать минут, что по нынешним временам тянуло на рекорд.

«Старушка, она и есть старушка», — заходя в квартиру и ощущая затхлый запах запущенного жилья, подумал он.

Довольно большая однушка в старом доме, обставленная разномастной древней мебелью. Шкафы, комоды, тумбочки, круглый стол посередине, диван. Возле него — инвалидное кресло. Так. Старушка, значит, была неходячей. Коврики, вязаные салфеточки, книжки. В кух-

14 не тоже бедненько, впрочем, чисто. В шкафах

и холодильнике немного продуктов. Молоко, крупы, хлеб — вот и весь рацион. Ничего необычного. Но это в первом приближении. Надо посмотреть повнимательнее.

Два звонка раздались одновременно — в дверь и по телефону. Леха выхватил сотовый. Леля!

— Алло! — крикнул он, направляясь к двери. — Я в квартире как раз. Только пришел.

За порогом стояла щуплая девица с половником в руке.

— Здравьете, — кивнул ей Тишков. — Вы кто? Леля, я перезвоню через минуту.

— А вы кто? — спросила девица и зачем-то потрясла поварешкой.

— Старший лейтенант Тишков.

Леха сунул ей под нос удостоверение.

— Уф! — выдохнула девица. — А я подумала...

— Представьтесь, пожалуйста, — перебил ее Тишков, включив, как и положено, служителя Закона.

— Мария Бурцева, соседка Ирины Павловны.

— Понятно. Это вы заявление написали?

— Да, — коротко ответила она.

— Ну проходите тогда.

Леха посторонился, пропуская ее. Мария замялась.

— Вы меня в качестве понятой приглашаете?

— Зачем? Я же не обыск проводить пришел. Просто хочу осмотреть место происшествия. Впрочем, я фотографирую, — добавил Леха на случай, если эта Бурцева — профессиональная жалобщица.

— А... Тогда, если позволите, я вместе с вами осмотрюсь.

Мария прошла в комнату и начала оглядываться. Леха встал спиной к окну и уставился на активную соседку. Не похожа на жалобщицу. А, впрочем, кто их знает!

— Вы сказали, что о чем-то подумали, услышав шум.

— Я подумала, что кто-то опять шарит по квартире.

— Опять?

— Я ведь почему заявление накатала? Ирину Павловну обнаружили в среду днем. А через несколько часов, уже ночью, я слышала, что по квартире кто-то ходит. У нас стена общая как раз с этой комнатой. Я привыкла прислушиваться: вдруг Ирина Павловна позовет. Она инвалид, вы, наверное, знаете. Не совсем не ходячая, пару-тройку шагов сделать может.

— Она одна жила?

— Да. Но ноги стали отказывать не так давно.

— Вы за ней ухаживали?

— Всего лишь последние восемь месяцев.

16 Но я часто уезжаю. Вернее, не так уж часто,

но надолго. Я скалолазанием занимаюсь, езжу на сборы.

Так вот почему она такая загорелая! А он было подумал, что с курорта вернулась.

— Я отсутствовала больше месяца и приехала только в воскресенье. Навестила Ирину Павловну. Она отлично себя чувствовала и была весела.

— Все это время она провела одна? — уточнил Леха, стараясь, чтобы голос не звучал, как на допросе.

Продолжая внимательно глядеть по сторонам, Мария провела рукой по лицу.

— Нет, конечно. Я обратилась в волонтерский центр. Они прислали двух девочек.

— Вы считаете, что они могли убить старуху?

— Нет, что вы! Девочки очень хорошие. Ирина Павловна была довольна. Я звонила ей.

— Что тогда?

Мария отошла и встала у стола. Чтобы видеть ее, Лехе тоже пришлось переместиться и встать лицом к свету. В носу сразу стало щекотно, и он чихнул.

— Будьте здоровы, — без улыбки сказала Мария.

— Спасибо, — смутился старший лейтенант и шмыгнул носом.

— Понимаете, у меня возникло стойкое ощущение, что кроме девочек был кто-то еще. 17

У Лехи торчком встали оба уха, как у охотничьей собаки.

— Объясните точнее, — совсем другим тоном спросил он. — Что значит — ощущение?

— Понимаете, девочки — студентки. Постоянно торчать в квартире подопечной не могут. Да этого и не требовалось. А с понедельника у них начались зачеты, поэтому они Ирину Павловну предупредили, что прийти смогут лишь в пятницу.

— Это она вам сказала?

— Нет, я звонила в центр, а потом говорила с девочками.

— То есть они утверждали, что до среды в доме не бывали? И вы уверены, что они не лгут?

— Не лгут. Дело в том, что обе учатся в Петрозаводске. В колледже. Заочно. Большую часть времени проводят дома, в Питере. Ну и волонтерят на досуге. А сейчас у них сессия.

— Даже если в центре подтвердили, что с понедельника их не видели, то это вовсе не значит, что они на самом деле уехали. Одна из них или обе могли остаться.

— Я же говорю вам: есть доказательства! — рассердилась Мария.

На лбу у нее прорезалась морщинка. Тишков рассердился. Подумаешь, какая специалистка по проверке алиби подозреваемых!

— Ну и какие же это доказательства? — с ехидцей поинтересовался он.

— В понедельник... еще до всего этого... пообщалась с ними по видеосвязи. Надо было узнать последние данные о здоровье Ирины Павловны. Сама она не стала бы рассказывать. Так вот, девчонки были в колледже. Это точно не подделаешь. На записи видно. И слышно.

— Но старуха умерла в среду.

— Так мы и в среду утром разговаривали. Они сами на связь вышли. Забыли сказать, что надо купить лекарственного чая. Он закончился, а они не успели. Ирина Павловна регулярно принимала специальный мочегонный настой. Ей было очень важно всегда иметь его под рукой. Я отругала их за то, что сразу не сказали, и помчалась в аптеку. А когда зашла в квартиру, Ирина Павловна уже была мертва. Хотя... Не знаю. Утром я ей не звонила. Накануне вечером только. Перед сном. Все было, как всегда.

— Время смерти установит экспертиза, но, похоже, волонтеры ни при чем.

— Ни при чем. Но... когда Ирину Павловну увезли, я автоматически выложила чай и убрала его в шкафчик на кухне.

— И что?

— Там лежала новая пачка со свежим сроком. Чай кто-то купил до меня, — медленно произнесла Мария.

— Так, может, девочки перепутали? Купили и забыли.

— Вдвоем забыли? У них склероз, что ли? Когда мы разговаривали, они точно сказали,

что чая в коробочке осталось две ложки, не больше. И вдруг забыли?

— Она могла купить сама. Она же на улицу выходила, вернее, выезжала?

Соседка качнула головой.

— Не выезжала, к сожалению. После смерти мужа пять лет назад она не выходила на улицу. Его сбила машина почти у самого парадного. С тех пор... Мы тогда и подружались, хотя я уже жила в этом доме. Попросила папу помочь с похоронами. Ирина Павловна была не в состоянии ничем заниматься. Ну вот...

— А могла она позвонить кому-нибудь и попросить сходить в аптеку?

— До сих пор она пользовалась только моей помощью. Ну и девочек. Ирина Павловна очень деликатный человек. Чужих людей напрягать не будет ни за что. Если бы чай закончился, она бы просто ждала.

— Но кого-то старуха все же напрягла! Чай не сам появился.

— Да, конечно, и это ставит меня в тупик. Она очень давно живет замкнуто. Родные умерли. И еще. Алексей — так, кажется? — пожалуйста, не называйте ее старухой. У нее имя есть.

Леха немедленно покраснел.

— Простите, не хотел обидеть.

— Ирина Павловна была чудесным человеком. Мне бы не хотелось, чтобы о ней отзывались неуважительно, — словно извиняясь,

20 сказала Мария и тут же предложила:

— Если вы не против, можем перейти на «ТЫ».

Старший лейтенант Тишков растерялся.

— Да... собственно... почему нет? Не против.

— Тогда скажи: ты веришь, что я ничего не выдумываю? — спросила Мария и уставилась прямо в его лицо.

Леха легонько подергал себя за ухо — никак не мог отделаться от дурацкой привычки — и кивнул.

— А что ты слышала ночью?

— В комнате кто-то был. Я хотела пойти проверить, но, честно говоря, испугалась.

— У тебя ключ остался?

— Да.

— А что конкретно ты слышала?

— Шум. Тихий, правда. Возню какую-то. Не могу точно описать.

— Как будто что-то искали?

— Именно. Я так и подумала.

— А после... ну, то есть, когда тот человек ушел, ты сюда заходила?

— Нет. Думала, могу затоптать следы или что-то в этом роде. Написала заявление и через папиного помощника передала в полицию. А надо было зайти?

— Ни в коем случае! Правильно, что не зашла, — успокоил ее Тишков и тут же подумал: следы, если они и были, благополучно затоптал один бестолковый оперативник, полчаса разгуливавший по квартире убитой.

— А ты ничего не обнаружил? — словно нарочно спросила Мария и взглянула, как ему показалось, с надеждой.

— Да я только начал, — решил схитрить Леха и быстро спросил: — Следы поисков не заметила?

— Нет. Все лежит на своих местах, но это ведь необязательно — устраивать в квартире погром?

— Конечно, если времени много и ты уверен, что тебя не застукают.

— Тот, кто тут был, мог не знать, что я вернулась и слышу его шаги.

— Тогда посмотри внимательно. Может быть, что-то пропало?

— Наоборот. Появилось.

Леха растопырил глаза.

— Что?

Мария указала на стол.

— Книги. Раньше их не было.

Леха взглянул на стол. Там в самом деле лежали три книги, по виду совершенно новые.

— А что за книги?

— «Грозовой перевал», «Замок Броуди» и «Сказки Гофмана». Это все любимые. Кстати, они уже были у нее, только старые, истрепанные.

— То есть выбор не случайный?

— В том-то и дело!

— А могли волонтерки купить по ее просьбе?

— Я уже их спрашивала. Они о книгах ни-

— То есть книжки появились в промежутке между понедельником и средой. Понятно, — сказал Леха, хотя ничего понятного тут не было.

— Девочки навещали ее в определенные дни и часы, — задумчиво произнесла Маша, — поэтому точно знать, был ли кто-то еще, не могут. Не факт, что Ирина Павловна с ними делилась. Девочки хорошие, но не из тех, кто ведет душевные беседы. В принципе, они не успели как следует сблизиться с подопечной за этот месяц. При них никто не приходил, но получается, что кто-то был в другое время. Эти книги, они...

Мария протянула руку к книгам.

— Стоп! Ты что? Нельзя трогать. Надо сперва отпечатки снять. А что она читала, когда...

— Гофмана. Наверное, «Щелкунчика» перед Рождеством хотела перечитать.

— Книга лежала на теле?

— Нет. На полу рядом с диваном.

— Так, как будто упала? Или ее положили?

Мария задумалась.

— Как будто свалилась.

Леха подошел к столу и еще раз внимательно посмотрел на книги. Гофман лежал отдельно, ближе к краю. Наверное, санитары положили, когда тело забирали. Им же невдомек, что на книге могли остаться отпечатки.

— Мария...

— Маша.

— Маша, пакет из кухни можешь принести?
Три.

Она стрелой кинулась на кухню и притащила пакеты, в которые Леха, соблюдая меры предосторожности — то есть надев перчатки, — сложил книги.

— Придется у тебя тоже отпечатки пальцев...

Он не успел договорить. Звонок в дверь заставил их вздрогнуть.

— Это ваши, что ли? — спросила Маша.

Леха напрягся. Хорошо, если наши!

Звонок дребезжал требовательно. Он решительно прошагал в коридор.

— Ты чего так долго не открываешь? — спросила Леля и водрузила на тумбочку в коридоре свой рабочий чемоданчик.

Леха даже дар речи потерял.

— Я уже думала, ты ушел, и в квартиру я не попаду. У тебя телефон где?

Застигнутый врасплох Леха откашлялся и сипло ответил:

— В куртке.

— Ты не слышал? Я сто раз тебя набрала!

Леля сняла ботинки и бодро направилась в комнату. Маша шагнула ей навстречу:

— Здравствуйте.

Увидев неизвестную девицу, Леля притормозила. Ее румяное личико вытянулось, улыбка сползла с него.

24 — Это соседка Ирины Павловны, Маша.

— Очень приятно, — сказала Леля напряженным голосом и тут же натянула на лицо профессиональное выражение равнодушного внимания. — Соседка? Отлично. Скажите, вы в курсе, что Ирина Павловна красила ногти?

Маша улыбнулась.

— О да! И не только на руках! Она и педикюр регулярно делала! И волосы постоянно подкрашивала! И маски для лица! Она была дамой с головы до ног!

— На дому делала? — уточнила Леля.

— Ну да. Она не выходила. Я уже говорила Леше, что...

— А кто делал? Вы? — нетерпеливо перебила Леля и поджала губы.

— Нет, что вы! Люба. Она маникюрша, но умеет и волосы красить, и укладку сделать, а еще — массаж. В общем, специалист широкого профиля.

— А почему ты мне о ней не сказала? — недоуменно спросил Леха.

— Забыла. Прости и не ищи подвоха. Люба приходит лет пять уже. Она так примелькалась, что я не воспринимаю ее как чужую.

— Так, может, это она чай принесла?

— Ирина Павловна никогда не просила ее о таких вещах. Люба — мастер, а не сиделка. Я же говорила тебе — она очень деликатная. Была. Она даже ко мне обращалась лишь потому, что я взяла с нее слово.

— Какой чай? — насторожилась Леля.

— В шкафчике на кухне, — ответила Маша. — Он не распечатанный еще. А в старой пачке совсем немного оставалось.

— Я возьму для анализа, — сообщила Леля и вышла.

— Леша, поверь: Люба ни при чем. Не знаю, как это доказать, но так и есть.

— Мне нужны ваши отпечатки, — официальным тоном заявила Леля, выходя из кухни, и раскрыла чемоданчик.

Маша с готовностью вытянула руку.

— Заодно и мои возьми, — произнес Леха несколько сконфуженно. — Или это необязательно?

Леля на вопрос не ответила, обернулась и выразительно на него посмотрела.

Леха моргнул.

«Наверное, не хочет, чтобы наш разговор посторонние слушали», — решил он и кашлянул.

— Можно я пойду? — спросила Маша, вытирая пальцы.

— Да, да, иди...те, конечно. Мы с вами свяжемся, — заторопился Леха, ускользя от Лелиных глаз.

Маша направилась к двери и, кажется, усмехнулась, выходя. Тишков закрыл за ней дверь, немного постоял, собирая в кулак мужество, и вернулся в комнату.

Леля стояла у стола и осматривалась — точно так же, как совсем недавно они с Машей.

— Ты же завтра хотела трупом старушки заняться? — миролюбивым тоном начал Тишков.

— Не смогла уснуть, — объявила Леля, глядя куда угодно, только не на него. — Меня мучил какой-то диссонанс.

— Накрашенные ногти? — догадался Леха. Она кивнула.

— Ну представь: старухе восемьдесят пятый год, и вдруг — педикюр с маникюром.

— А так не бывает?

— Бывает, наверное, но в другой стране. У нас старухи от пенсии до пенсии дотягивают на хлебобулочных изделиях. Соседка Маша сказала, что эта ухаживала за собой регулярно. Интересно, на что?

— Это дорогое удовольствие?

— Недешевое. Особенно, если на дому.

Леля раскрыла чемоданчик и стала в нем ковыряться.

— Может, у нее какие-то сбережения имелись? Не век же она пенсионеркой была, — предположил Тишков, просто чтобы заставить Лелю взглянуть на него.

Не тут-то было. Леля продолжала в том же духе.

— Ты на квартиру посмотри. Это же нищета. А в кухне что?

— Да то же самое примерно.

— Значит, и питалась она в традиционном для пенсов духе. Зачем вообще ей маникюр?

— Намекаешь, что ее могла маникюрша убить? Но как? Или ты что-то обнаружила все-таки?

— Вчера стала брать материал из-под ногтей и вдруг задумалась: странно для бабульки так изгаляться. Следов посторонних ДНК, кстати, не нашла.

— Даже маникюрши Любы?

— Даже. Они сейчас в перчатках работают.

— А зачем Любе пять лет ждать? — продолжал Леха, стараясь заглянуть ей в глаза. — За это время денег стало меньше. Да и Маша считает...

— Мне неинтересно, что считает твоя Маша! — взъерилась Леля. — Раньше деньги были не очень нужны, а теперь понадобились! Или она узнала, что старушка богаче, чем казалось. Да мало ли что! Люба — подозреваемая номер один!

Лехе эта версия казалась немного шаткой, но ссориться с Лелей не хотелось.

— Маша сказала, что ночью, когда старуху уже увезли, она слышала шаги и возню, — сообщил он, двигаясь вокруг нее кругами.

— Молодец твоя Маша! — язвительно прокомментировала Леля.

Леха решил зайти с другого бока.

— А чем ее могли отравить? Чем-нибудь традиционным? Мышьяком, цианидом, ботулотоксином?

— Ну, во-первых, следы этих ядов легко
28 обнаружить, а во-вторых, у нее были бы рвота,

паралич дыхательной системы, асфиксия или спазм сердечной мышцы. А бабуля лежала спокойно и читала. Я же рассказывала.

— Ну тогда чем? Ты пыталась выяснить?

— Что значит пыталась? Это и есть моя работа, между прочим. Говорю еще раз — следов не обнаружила. Конечно, маникюрша — не Джеймс Бонд, агент ноль ноль семь, но... Кстати, была одна деталь. На языке я нашла следы лака.

— И что это значит?

— Не знаю. Бабулька заусеницы откусывала.

— А лак мог быть покрыт ядом?

— В принципе, мог. Но следов нет!

— Все равно, — обрадовался Леха, — у нас уже есть подозреваемый. Ты права! Надо узнать у Маши, где найти эту специалистку широкого профиля.

Леля встрепенулась и быстро двинулась к выходу.

— Давай я схожу, а ты пока поищи телефон, какие-нибудь записные книжки, календари. Бабулька должна была записывать даты, когда Люба к ней приходила, — повелительным тоном произнесла Леля и быстро вышла.

Леха с готовностью стал выполнять указание, раздумывая, за что она на него злится.

Никаких записных книжек он не нашел и насчёт Лели ни до чего не додумался. Она же не обидчивая вроде, а тут налицо все признаки того, что он чем-то не угодил. Кстати, надо ска-

зять ей, что отпечатки могут быть на книгах. Может, их маникюрша и подарила? У Маши никакой версии нет, но это ничего не значит. Их могли подарить для отвода глаз, чтобы иметь повод лишний раз прийти в квартиру. Кто мог это сделать? Конечно, Люба.

— Надо эту Любу хорошенько потрясти, — забывшись, произнес он вслух.

— Не потрясешь. Бурцева по моей просьбе ей уже позвонила. Они с мужем во вторник утром улетели в Арабские Эмираты. Вернутся через неделю, — сообщила Леля, входя в комнату.

— Так, отлично! На бабулькины деньжата и полетели! — обрадовался Леха. — Маша, то есть Бурцева, сказала ей, что старушка умерла?

— Нет, конечно.

— А сама Люба не поинтересовалась?

— Нет.

— То есть она уже знает. Откуда?

— А ты не допускаешь, что у Любы мог быть сообщник?

— Мог. Тогда понятно, кто ходил по квартире в ночь со среды на четверг. Кстати, эти книжки ей могли подарить преступники или преступник. Я уже упаковал.

— Проверим, — деловито кивнула Леля. — Ну что, нашел чего-нибудь интересное?

— Нет, и это настораживает. Не может
30 быть, чтобы никаких записей не велось. И теле-

фон я не обнаружил. Все говорит о том, что из дома унесли не только деньги.

— Забрали как раз то, что могло указать на убийцу. Надо внутренности ящиков на следы купюр проверить, хотя вряд ли. Если она их в ящике и держала, то скорей всего в пакетишке. Сейчас я на всякий случай сниму отпечатки с поверхностей, а книги с собой заберем, ладно? Подождешь меня?

Конечно, подождет! Он вообще всю жизнь может ее ждать! К тому же она, кажется, сердится немного меньше.

Леля прытко принялась за дело, а он стал снова осматривать и ощупывать квартиру, двигаясь параллельным курсом, чтобы не мешать ей.

Версия, в принципе, уже вырисовывалась, и специалистка широкого профиля Люба вполне в нее встраивалась.

Вернувшись в отдел, он быстренько напишет рапорт. Возбудят уголовное дело, он станет его расследовать, поймает убийцу и после этого станет у начальства на хорошем счету.

Перспективы были не просто хорошие, а заманчивые!

Вот только рапорт Тишков написать не успел.

И доложить, как положено, начальству тоже.

По дороге в отдел, искоса посматривая на задумавшуюся о чем-то Лелю, он все еще был убежден, что практически раскрыл убийство. 31

Осталось лишь собрать доказательную базу и дожидаться возвращения Любы.

Леся выскочила из машины и сразу побежала к себе. Даже не улыбнулась на прощание.

Леха постоял, глядя ей вслед и ощущая тяжесть в сердце, а потом двинулся к двери, ведущей в отдел полиции.

У самого крыльца тяжелый порыв ветра чуть не сбил его с ног, ударил прямо в лицо, залетел в горло, залепил глаза. Леха задохнулся, закашлялся и в это мгновение вдруг понял, что Люба тут ни при чем даже вдвоем с сообщником.

Как понял? Да просто понял, и все.

Конечно, со стороны все выглядело элементарно. Кому, как не Любе, травить? В понедельник она красила старухе ногти, а во вторник улетела, чтобы остаться вне подозрений. Потом сообщник уничтожил улики. Но старуха умерла в среду! Если яд был в лаке, то почему смерть настигла беднягу через двое суток? Он медленно действует? Маша разговаривала с Ириной Павловной во вторник вечером, и та была жива и здорова! Что за яд такой? Последняя разработка ЦРУ? Откуда он у маникюрши? Ее сообщник в лаборатории по производству ядов работает и решил испытать его на старушке? Это уже не Конан Дойл, а просто... как его... Стивен Кинг какой-то!

32 Леха замер, не дойдя до двери.

Нет! Не похоже на Любу и ее мифического сообщника, которого, возможно, вообще нет! Здесь действовал кто-то другой. Умный, хитрый и очень опасный!

Именно он купил чай и подарил книги. Он убил старушку и сделал это так, что никто ничего не может выяснить.

Кто же это?

Леха постоял еще немного и вернулся к машине. Надо снова побывать в квартире убитой и поговорить с Машей.

До места он не доехал. Пока стоял в безразмерной пробке на Невском, прошло два часа. Позвонила Леля и закричала так, что у него зазвенело в левом ухе:

— Я нашла отпечатки преступника! Аж два пальца!

Лелю он обнаружил за своим рабочим столом. Перед ней лежала книга сказок Гофмана.

— Сначала я проверила лак для ногтей. Мимо. Потом решила, что все дело в чае, но он чист. Кстати, на новой пачке отпечатки тоже отсутствуют. Тогда я взялась за книги. На первых двух — ничего, а вот на Гофмане обнаружилось сразу два отпечатка! — сообщила Леля, сверкая очами.

Леха смотрел во все глаза. Какая же она красивая!

— Не знаю, почему, но мне показалось подозрительным, что отпечатки я нашла именно в этой книге. Ну, то есть не то чтобы показа-

лось, а словно инсайт какой-то случился. Причем отпечатки были на внутренней стороне суперобложки. Значит, преступник не просто брал ее в руки, но и что-то с ней делал. Когда стирал отпечатки, эту сторону забыл. Так вот!

— Подожди. Ты отправила отпечатки на идентификацию?

— Отправила, конечно, но ждать придется до понедельника.

— А потом выяснится, что в базе их нет, и мы упремся головой в стену.

— Не делайте поспешных выводов, товарищ старший лейтенант. Лучше послушайте, что я скажу.

Леха с готовностью придвинулся к Леле. Она больше не сердится, а это хорошо при любом раскладе.

— Я раскрыла книгу и на тридцатой странице нашла закладку. Просто листок календаря.

— И что?

— Ирина Павловна вовсе не «Щелкунчика» читала, а «Крошку Цахеса».

— Это про мальчика-с-пальчика, что ли?

— Соболезную твоей необразованности, но это рассказ про уродца, который всем казался писанным красавцем.

— Как Щелкунчик? — не обидевшись, спросил Леха.

— Только наоборот. Однажды фея пожалела бедного страшилку, расчесала его безобраз-

34 ную голову волшебным гребешком и вплела три

огненных волоска. С той минуты все видели Цахеса не таким, каким он был на самом деле, а самым прекрасным и умным господином по фамилии Циннобер.

— Повезло парню, — хмыкнул Леха, подумав, что тоже не отказался бы от такого подарка.

— Но ненадолго. Один студент, у которого Цахес увел невесту, вырвал волшебные волоски, и все прозрели.

— Не пойму, к чему ты клонишь.

— Я нашла в рассказе место, которое старушка подчеркнула ногтем и даже оставила закладку. Вот послушай: «Теперь нет сомнения, что уродливый Циннобер не альраун и не гном, а обыкновенный человек. Но тут замешана какая-то таинственная, колдовская сила, открыть которую мне покамест не удалось». След ногтя очень глубокий, словно она была в состоянии крайнего возбуждения, негодования или обиды.

Тишков очень близко увидел Лелины глаза, в которых плескалась очень важная мысль, и понял, что для него настает момент истины.

Он изо всех сил поднатужился и выдал:

— Старушка разгадала замысел убийцы или просто догадалась, что он не тот, за кого себя выдает. То есть она думала, что он хороший, а он злодей. Она его разоблачила и, наверное, собиралась...

Договорить не получилось. Даже воздуху набрать он не успел. Леля вдруг потянулась

к нему губами и поцеловала так, словно ждала этого мгновения всю жизнь.

Некстати вдруг вспомнилась слышанная где-то фраза, что от поцелуя в животе начинают порхать бабочки. Никаких бабочек Леха не почувствовал, зато услышал, как его сердце громко, прямо на всю ивановскую, заколотилось, а в голове просто вихрь какой-то возник, причем неуправляемый.

От неожиданности он чуть на стул не свалился. Да и упал бы, но Леля вдруг обняла его и притянула к себе.

Наверное, старший лейтенант продолжал бы тупить, но тут чей-то голос в голове громко произнес: «Не тормози, кретин! Ты мужчина или кто?»

Леха Тишков, привыкший четко выполнять команды вышестоящих, не оплошал и тут.

— Леля, я тебя люблю, — шепнул он прямо в раскрытые нежные губы и обхватил ее двумя руками.

Наверное, именно этих слов она ждала, потому что глубоко вздохнула и прижалась еще сильнее.

В эту же секунду Леха перестал соображать вообще и, наверное, натворил бы дел, но Леля неожиданно прервала поток его фантазии.

— Так что ты хотел сказать? — спросила она, отпуская его губы и глядя снизу влажными глазами.

36 — Мммм... — выдавил Тишков.

— Она хотела его разоблачить, — подсказала ему Леля.

— Кого? — не понял Тишков.

— Того, кто втерся к ней в доверие с корыстной целью.

— С какой? — продолжал тормозить старший лейтенант, не разжимая объятий.

— Это ты и должен выяснить.

— Как?

И тут Лелино терпение лопнуло. Ну в самом деле, любовь любовью, а дела-то делать надо! Она вырвалась и легонько стукнула его по коротко стриженной голове.

— Кончай идиотничать, Леш! Кого, как! Того, чьи отпечатки я нашла!

Леха помотал головой. Немного полегчало.

— Значит, что нам уже известно, — начал он, подергав ухо и постепенно обретая прежнюю форму. — Некий тип узнает, что у старушки есть деньги или ценности, и под неизвестным нам пока предлогом проникает к ней в дом.

— Он не просто знакомится со старушкой, а втирается в доверие! Он допущен к покупке чая! Он дарит ей книги! Да они друзья! Она проникается к нему симпатией, однако никому о нем не рассказывает. Почему?

— А кому рассказывать? Маши нет, а девочкам все равно, — махнул рукой Леха. — Но мне интересно другое — от кого он мог узнать, что у старухи есть чем поживиться. Кандидатов

четыре — маникюрша, волонтерки и... Бурцева Мария.

— Мне кажется, Марию можно вычеркнуть. Она давно знакома с бабушкой и за это время могла вынести из дома все, что угодно. Кроме того, глупо было подавать заявление.

Тишков умилился. Надо же, какая благородная девушка! А казалось, что Маша ей не нравится. Неизвестно, почему, правда.

— Ее могли использовать втемную, но, в целом, я согласен. Тогда Любу тоже предлагаю отложить, все равно она пока в Эмиратах. Если что, успеем ею заняться.

— Хорошо. Начнем с девчонок, — согласилась Леля. — Эти болтушки могли растрепать кому угодно. Мол, живет старушка вроде бедно, а сама делает маникюр и волосы красит не перекисью, а дорогой итальянской краской. И крем для лица у нее тоже не за сто рублей, я состав проверила. Кто-то из их знакомых слышит разговор. Ограбить старушку — дело плевое, надо только с ней подружиться, узнать, где она прячет богатство, и быстренько прикончить божье одуванчика.

Тишков кивнул и вопросительно взглянул на Лелю.

— Школьные друзья? Подруги-волонтерки? Она почесала кончик носа.

— Мне кажется, надо начинать с волонтерского центра.

38 — Поехали вместе?

— Нет, один поезжай. Мне в голову одна мысль пришла, хочу ее проверить.

— Что за мысль?

— Сначала убедюсь... убеждусь... тьфу! Потом расскажу, в общем!

Леха кивнул и прикинул, можно ее сейчас поцеловать или лучше не нарываться. Вид у нее уж слишком деловой и озабоченный.

Пока он раздумывал, Леля решительно прошагала к двери, а потом вдруг вернулась и чмокнула его в губы.

— Я тоже тебя люблю.

К волонтерскому центру Тишков подъехал, все еще находясь в трансе от всего, что случилось между ним и Лелей. Пришлось прямо в машине сделать небольшую зарядку и интенсивно размять лицо, стирая следы эйфории.

В центре находились всего трое ребят. Двое парней сидели за компьютерами и, похоже, играли, а девушка раскладывала по коробкам пакеты с продуктами.

«Один с сошкой, семеро с ложкой», — подумал Леха и направился к девушке. Она подняла глаза и улыбнулась.

Эта точно поможет. Коммуникабельная.

Тишков представился. Девушка посерьезнела.

— Мне всего лишь пару вопросов задать.

— Что вас интересует?

— Две ваши девушки — Настя Гольцова и Катя Рыжова.

— Сейчас их нет. Они на учебу уехали.

— Я знаю. Вы ведь из руководства, правильно? Хорошо с ними знакомы?

— Что-то случилось? На них поступила жалоба? — встревожилась девушка.

— Нет, что вы...

— Света. Полунина.

— Нет, Света. Никаких жалоб. Просто расскажите о них немного. Давно ли тут? С кем общаются?

— Вообще-то, давно. Со школы еще. То есть два года. Насчет друзей — мы тут все дружим. Настя часто парня приводит.

— Что за парень?

— Ну... ее парень. В школе учились, а теперь встречаются. Иногда он тут помогает, когда гумпомощь поступает.

— А как его найти, не знаете?

— Телефона у меня нет, но Настя говорила, что он живет в соседнем подъезде.

— Адрес Насти есть?

— Конечно. Все данные. Она же у нас на стоянке.

Тишкову не терпелось кинуться по следу, но надо было вытянуть из Светы все. Он расспросил ее о Кате, но у той парня не оказалось. Во всяком случае, сюда не заявлялся. С другими волонтерами девушки общались, но, так сказать, со всеми сразу. Где? Да здесь же. Они часто

общаются, обсуждают проблемы. О старушке, к которой они ходили, ничего не рассказывали. Отчитывались, конечно, но только о том, какую работу выполнили.

В Светинном рассказе ничто не привлекло внимание, не зацепило, но Тишков уже и так понял, что надо найти парня Насти Гольцовой. Тут горячо.

А вдруг получится расколоть с налету?

Старший лейтенант покинул волонтерский центр и рванул по адресу волонтерки Насти. Жила она на Оренбургской, недалеко от Пироговской набережной.

Хорошо, у Насти обнаружился младший брат, который с ходу выложил, что Гоша Тонков живет в двадцать восьмой квартире, но дома его нету. Он в баре работает официантом и сейчас на работе.

— А что за бар?

— Да сразу за углом. Не ошибетесь, — ответил брат и засунул за щеку вкусно пахнущую чипсину.

Леха сглотнул слюну. Черт! А ведь он с утра ничего не ел! Заодно и перекусит в баре. Если денег хватит.

Денег хватило на кофе с бургером. Уплетая его, Леха присматривался к официантам. Один, высокий и тощий, показался ему подходящей кандидатурой.

— Эй, ты случайно не Гоша? — спросил он, когда парень проходил мимо.

— Гоша. А в чем дело?

Парень не испугался, не задергался, даже глаза не забегали. Неужели мимо?

— Поговорить надо. Присядь.

— Нам не положено.

Тишков вынул удостоверение. Гоша кивнул.

— Тогда давайте на улице у служебного входа.

Леха быстренько дожевал гамбургер и, чувствуя в животе приятную сытость, вышел.

Разговор с Гошей не принес ожидаемого результата. В ночь, когда Маша слышала шаги, он работал, а в среду с самого утра и до обеда проходил диспансеризацию в поликлинике. Это тоже могут подтвердить человек десять.

А ведь казалось, так здорово все сложилось! Старший лейтенант было приуныл, но, подумав, решил, что сдаваться рано.

— Настя что-нибудь рассказывала вам о старушке, за которой они с Катей ухаживали?

Гоша вскинул глаза, вспоминая.

— Рассказывала. Обе они говорили, что бабулька прикольная донельзя. Самой уже прогулы на кладбище ставят, а она все прихорашивается. Бабулька пожаловалась, что девчонки плохо за ней ухаживали?

— Нет, не жаловалась. А не было версий насчет того, для кого она красоту наводит?

— Да какие могут быть версии! Бабушка никуда и не ходит, почти не встает. Ее сосед-

42 ка навещает, которая договаривалась насчет

патронажа, и все. Девчонки все смеялись, что она педикюр делает красным лаком, словно любовника ожидает. Только разговор этот давно был, когда к Катюхе брат приезжал. Мы как раз в баре сидели.

— Брат?

— Ну да. То ли двоюродный, то ли троюродный.

— Имя помните?

— Толик. Или Алик. Нет! Валик! Точно! Валентин.

— Что еще о нем знаете?

— Ничего особенного. Отличный парень. Приятный в общении. Да мы всего один раз виделись. А что случилось? С девчонками все в порядке? Настя вчера звонила, но ничего не сказала.

— С ними все в порядке, — успокоил Тишков и подумал, что пора ему самому пообщаться с волонтерками.

Что еще за троюродный брат?

Он распрощался с встревоженным Гошей, двинулся к машине и решил позвонить Леле.

Только он собрался это сделать, как она позвонила сама.

— Ты «Имя Розы» читал? — огорошила Леля вопросом.

— Кино смотрел, — честно признался Леха.

Еще начнет выспрашивать, что да как в книге написано! Если проколется, будет считать его вруном! Лучше не рисковать.

— Помнишь, как умирали монахи? — продолжала литературную викторину Леля.

Леха собрался ответить, что не помнит, но тут откуда-то налетел сильный ветер, снег взметнулся с тротуара, закружил и чуть не снес с ног. Тишков успел ухватиться за перила ограждения, тянувшиеся вдоль набережной. Эта снежная кутерьма что-то выдула из забитого разными мыслями мозга, и Леха неожиданно для себя произнес:

— Они травились мышьяком, которым слепой монах смазал страницы книги.

— Точно! Страницы слипались, монахи мусолили пальцы и слизывали яд.

Снежная карусель на мгновение стихла, и Тишкову удалось разглядеть свою машину, припаркованную у самого парапета шагах в десяти. Леха нагнул голову и пошел, прикрываясь воротником.

— А к чему ты спросила?

— К тому, что нашу старушку отравили точно так же.

— Не может быть! Ты бы сразу обнаружила следы мышьяка!

— Ни в желудке, ни в пищеводе, ни на слизистых ничего не было, можешь мне поверить!

— А как же тогда?

— Приезжай быстрее, все покажу!

Приехать быстрее все же не удалось. Метель снова собрала большущую пробку, так что 44 добираться до Лели пришлось почти два часа.

— Где ты ходишь? — с порога набросилась она.

— Так я...

— Иди быстрее сюда!

Не слушая его лепет, она потянула его за рукав и первым делом сообщила:

— Я дура! Представляешь?

— Нет! — твердо ответил Леха.

— Я не догадалась поискать следы на пальцах! На подушечках! — радостно блестя глазами, объявила Леля.

— Ты нашла на них следы мышьяка? — поразился Тишков.

— Да нет же! — возмутилась Леля.

Леха уставился обескураженно.

— Не понял.

— Да что тут непонятного! Забудь про мышьяк! Он давно не в тренде! Тут что-то поинтереснее! Типа рицина или сакситоксина, пока не знаю, но сейчас не об этом! Сам яд не определился, но она слюнявила средний палец на правой руке. Это ясно?

— Это ясно. Но почему ты решила, что она...

— Да потому, что несколько страниц «Крошки Цахеса» были слипшимися! С тридцать четвертой по сорок первую.

— И на них — следы яда?

— Ну, блин! До чего же вы, менты...

— Да ты толком объясни, — обиделся за ментов Леха. — Сама ничего объяснить не можешь, а мы, типа, тупые.

— Яд следов не оставил. Ни на листьях, ни на пальцах. Нигде.

— Так, может, листы слиплись, потому что книга новая? Страницы иногда плохо разрезаны. Не слышала о таком?

— Слышала. Но листы не склеены краями были, они именно слиплись. Я думаю, яд имел кристаллическую форму, то есть это порошок. Чтобы намазать страницы книги, его надо было развести водой до консистенции, которая могла удержаться на поверхности бумаги.

— Типа, кашицы.

— Ну да! Яд на момент экспертизы уже улетучился, а страницы остались слипшимися. В краске, которой окрашивают бумагу, присутствуют соединения, которые при намокании дают склеивающий эффект. Чтобы разделить страницы, Ирина Павловна облизывала палец, она долистала до тридцать восьмой и умерла. Буквально с Гофманом на устах.

— А почему ты уверена, что яд все же был? Ты ведь ничего не обнаружила?

— Именно поэтому! Если бы это был твой любимый мышьяк, следы сразу бы нашлись! Но просто так слипнуться страницы не могли! Яд был, я в этом уверена! Но он не оставил следов!

— Значит, «Новичок» или что-то в этом роде? Выходит, Ирину Павловну убили агенты спецслужб? Зачем им старушкины деньги?

46 Леля вздохнула.

— Вообще-то, я надеялась, что ты сможешь это выяснить.

Леха почувствовал, как ее надежды надавили на его плечи.

Он уже пытался представить, что у Любы был сообщник — специалист ГРУ, но вот могли яд, который не смогла обнаружить экспертиза, оказаться у Катиного троюродного брата Валика?

Только в порядке бреда. Если, конечно, этот брат не секретный агент вражеской разведки.

— Ну? — нетерпеливо спросила Леля. — Что скажешь?

Черт возьми! Да что тут можно сказать? Какие богатства были у этой Ирины Павловны, чтобы ее травить супер-пупер ядом?

Леха посильнее дернул себя за ухо.

— А следов денег или золотых слитков ты не обнаружила?

— Нет. Но звонила твоя скалолазка.

— Кто? — не понял Леха.

— Ну Мария Бурцева, соседка, — глядя на него с подозрением, пояснила Леля, — так она сказала, что однажды Ирина Павловна обмолвилась о чем-то таком. Ее отец воевал, дошел до Берлина и из Германии вывез какие-то ценности. Старуха сказала об этом вскользь, Бурцева даже внимания не обратила. А тут вспомнила.

— Слушай, — встрепенулся Леха, — а ведь все складывается! Она продавала ценности и на это жила. Непонятно только, почему так бедно.

— Твоя Маша сказала, что в молодости Ирина Павловна была редкой красавицей. Даже после смерти мужа старалась выглядеть так, чтобы ему понравиться. А то, мол, на том свете он может ее не узнать. Мелочи быта ее не волновали.

Не сдержавшись, Леха фыркнул.

— Маникюр и педикюр — это для сохранения красоты, что ли?

— А почему нет? — сделав строгое лицо, поинтересовалась она.

Старший лейтенант пожал плечами. Они были широкими и вкупе с узкими бедрами в джинсах смотрелись очень даже неплохо. Леля глянула и вздохнула.

— Ладно, — нахмурился Леха, решив, что она вздыхает, опечалившись от его бестактности, — это я просто так сказал. Давай рассуждать вместе, если ты не против.

— Только сначала съедим чего-нибудь. Мой ускоренный метаболизм срочно требует заправки.

Что такое метаболизм, Леха догадывался смутно, но есть хотелось так, что живот сводило. Бургер, проглоченный второпях, давно канул в Лету. К тому же хотелось чего-нибудь горячего.

Они вышли и, подгоняемые январской метелью, в темноте побежали к машине.

В чебуречной, до которой смогли доехать, 48 Леха набрал номер Кати. Девушка ответила